

Мы будем говорить о писателе, поэте Иване Ивановиче Молчанове-Сибирском, который является ещё и моим папой. Всю сознательную жизнь он прожил в доме по улице Кругобайкальской (ныне Терешковой), в котором правая половина — наша. Мы жили тут до 1950 года, а потом папе дали квартиру в самом центре города. Один этаж выделили творческим работникам. В доме № 1, по улице Богдана Хмельницкого, получили квартиры поэты Юрий Левитанский, Иннокентий Луговской, писатель Константин Седых, автор «Даурии», директор ТЮЗа Николай Тимофеевич Лысенко и наша семья.

Детство папы прошло в предместье Глазково. Родился он во Владивостоке в 1903 году. Его отец находился там на службе, он был военным моряком, баталером канонерской лодки «Кореец». Вскоре после папиного рождения, в 1904 году началась русско-японская война. Японские эскадры обстреливали город, и мой дедушка Иван Николаевич решил перевезти жену и маленького сына в Иркутск. У папы в повести «Мальчишка из предместья» написано, как к его отцу приходили друзья. Многих из Иркутска призывали на тихоокеанский флот. Папины друзья вспоминали, как маленького Ваню из рук в руки передавали в вагон. Попасть на поезд было очень трудно, тогда многие уезжали с Дальнего Востока. Сначала с великим трудом протолкнули в вагон маму, Анну Ивановну, а потом уже и Ваню.

Детство было у него, как у всех ребят. Зимой катались с горы, на Кругобайкальской улице была сплошная ледяная гора, потому что внизу у вокзала была водокачка, носили воду на коромыслах, проливали её, конечно же, дорога превращалась в голимый лёд. Хорошая горка. И вот они с самого верха катались до вокзала на обычных санках и рулевиках (это сани побольше размером, с рулем и тормозами). К головному вагону цеплялись простые санки до десяти штук, и все катились вниз, иногда встречались препятствия. Папа пишет, как шла там маленькая девочка, почти в самом низу, а навстречу поднимался извозчик. Девочка его не увидела, и они решили упасть прямо на колонку. Оттуда выскочил водопроводчик и дал им хоро-

ший нагоняй, к нему присоединился и городской. Поэтому они решили сменить свой маршрут и стали кататься с Кайской горы уже в другую сторону.

Летом была рыбалка. Рыбачили на Кае. Было столько щук, что можно было поймать их без всяких удочек, руками. Ловили щук, приносили их домой, и матери во дворе на костре варили вкуснейшую уху.

А в роще они играли в «сыщики-разбойники», выжигалу, лапту. Играли, когда девочки появлялись, в фанты и испорченный телефон. Но это, конечно, было не очень интересно, вот почему им нравилось играть в мальчишеские игры, в войнушку.

У отца есть стихи, где он описывает Порт-Артур и военные времена:

*Мы так любили в детстве слушать
Рассказ отца про Порт-Артур!
Пред нами возникала суша,
Форты, глазницы амбразур.
Для нас бессмертною былинной
Вставали дни тревог и гроз —
Сраженье на Перепелиной
И Электрический утес.*

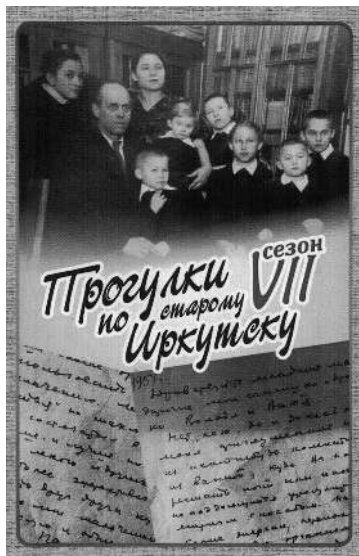
*Мы в бескозырках из бумаги,
С любимой песнею «Варяг»,
Сражались яростно в овраге
В пылу мальчишеских атак.
Казалось нам, плескались волны,
А не крапива и бурьян,
И подавал команду: «Полный!»
Десятилетний капитан.*

Ещё они любили ходить к соседу — старичку Степану Александровичу Ячменёву, у которого была одна рука. Вторую руку он повредил во время неудачной охоты, и осталась культя. И он с этой одной рукой делал чудеса: и огородничал, и плотничал, и рыбачил.

Как-то они пришли и увидели, что у него во дворе стоит лодка на колесах. Они очень удивились. Это была велолодка. Старик взял старый ненужный велосипед, приделал колеса к лодке. Ребятишки помогли ему донести её до Ангары. Потом он придумал ещё одно устройство — в лодке пристроил велосипедные педали, а их приспособил к винту. Когда он начинал крутить педали, крутился винт, и лодка двигалась. Таким образом, он добирался до любого места, которое ему нравилось, бросал якорь и рыбачил. И, конечно, мальчишкам нравилось находиться рядом с таким человеком. Они пытались ему помогать, за что он давал всем постругать своим рубанком. У папы есть рассказ под названием «Волшебная рука», об этом удивительном мастере.

На открытке, которую вы держите в руках, фотография нашей семьи. На заднем плане стоит книжный шкаф. С.А. Ячменев сделал нам два застеклённых книжных шкафа (причём одной рукой!). Как он это делал, все удивлялись. Шкафы были сделаны из чего придется, ведь материалов не было — там внизу, например, если открыть дверцу, на фанерке написано: «индийский чай». Шкафы долгое время стояли у нас в доме.

Когда в 2015 г. открылось новое здание научной библиотеки имени И.И. Молчанова-Сибирского (её ещё называют многие «Молчановка»), там задумали сделать музейную комнату. Мы, конечно, не стали жадничать, отдали эти шкафы, пианино «Красный Октябрь», которое папа из Ленинграда привёз. (У нас все дети и внуки окончили музыкальную школу и училище.) Подарили папин письменный стол, два прекрасных портрета, написанных художником Алексеем Петровичем Жибиновым. Это

портрет папы, он сидит за письменным столом, работает, и портрет моих старших сестёр — Нины и Светланы. Ну, и много книг, конечно, с автографами, документы, фотографии. Сейчас эта музейная комната работает, желающие могут сходить и посмотреть.

Когда Ваня подросток, он пошёл учиться в гимназию, после окончания работал помощником слесаря в железнодорожном депо. Там он чинил паровозы и был доволен этой работой.

В начале 20-х годов юный Ваня начал писать стихи, а с 1923 г. его первые поэтические опыты стали появляться в периодической печати. Тогда было создано ИЛХО (Иркутское литературное художественное объединение), куда входили художники и поэты Михаил Скуратов, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Валерий Друзин, папа, позднее к ним присоединились Елена Жилкина, Василий Непомнящий.

В 1932 г. папа издал свою первую книгу «Покорённый Согдиондон».

В 1933 г. к нему пришли ученики из 6-й школы ФЗД. Они организовали литературный кружок, но им нужен был руководитель, потому что одним было трудно. И они обратились к папе, и он, конечно, согласился. Он был человек удивительной доброты, всегда любил детей, а потому с удовольствием стал заниматься с ребятами. Кружок назывался «База курносых».

Их было около тридцати пионеров в возрасте от 10 до 15 лет. Дети были разных национальностей (буряты, евреи, русские, украинцы, грузины), но дружба у них была прекрасная. И они начали писать обо всём — о своей школьной жизни, отдыхе в пионерском лагере, поездке в Кузбасс. Каждую неделю ребята собирались, читали и обсуждали написанное, а папа краснел, когда видел ошибки, которые они делали. Потом он помогал им редактировать книгу.

Иллюстрации к книге делала одна из «курносых» — Ара Манжелес (которая впоследствии поступила в Ленинградскую Академию художеств и стала скульптором. Кто в «Молчановке» бывал, там на первом этаже стоит бюст папы — это её работа).

Когда работа над книгой была завершена, её отдали в печать, и в 1934 г. она вышла под названием «База курносых. Пионеры о себе».

За эту работу детей премировали поездкой в Москву. Поехали 15 человек, двое вожатых и Иван Иванович Молчанов-Сибирский, который был делегатом 1 Всесоюзного съезда писателей.

Перед отъездом ребята отправили книжку Максиму Горькому. Ехали и ждали, когда же они получат отзыв от него. Как-то, на одной из станций, вожатая Галя Кожевина вышла купить газету. Она вернулась очень возбужденной, потому что в газете «Правда» был портрет Горького и статья «Девочки и мальчишки». Это была статья об авторах «Базы курносых».

Потом все приехали в Москву, ходили по музеям и экскурсиям, и их пригласили приветствовать первый съезд советских писателей. Долго решали, кто будет говорить, выбрали Аллу Каншину, она была самой маленькой, но очень смыслёной девочкой. (Я с ней встречалась в Москве, в 2003 году, когда в иркутском землячестве «Байкал» праздновали папино столетие. Ей было 80 лет. Удивительный ум, прекрасная память).

Ребят посадили где-то в конце зала, и, когда М. Горький это увидел, то сказал: «Это что за безобразие?! Ну-ка, в первый ряд», и все «курносые» расселись в первом ряду. Алла вышла на трибуну и начала свое выступление так: «Ребята!», потому что привыкла разговаривать с ребятами. Все рассмеялись, кто-то захопал, но она поборола смущение и продолжила своё выступление. После этого они зашли

за кулисы и хотели поговорить с М. Горьким, но там было очень много людей, и он пригласил их к себе на следующий день.

Кроме М. Горького, на этой встрече были еще С.Я. Маршак, Л.А. Кассиль и ещё один детский писатель М. Ильин (псевдоним младшего брата С. Маршака — Ильи), он был менее известным. Были накрыты столы прекрасные, как раз М. Горькому прислали с юга фрукты, стояли громадные вазы с виноградом, грушами, яблоками, бутерброды с ветчиной, колбасой. Они сначала, конечно, стеснялись, но затем с удовольствием поели и поговорили.

И тут Горький спросил: «А где у вас Ара Манжелес?»

И кто-то сказал: «Да вон она сидит, с грушей расправляется».

А он её звал: «Рыжая». У нее были такие красивые вьющиеся рыжие волосы. Он сказал: «Тебе надо обязательно учиться, из тебя получится толк, ты будешь настоящим художником».

Встреча была интересной, дети отправились домой, полные впечатлений, и мало того, он пригласил их к себе на дачу. Ребята приехали к нему, был жаркий день, купались в реке. И потом М. Горький сказал: «Развешивайте свои маечки и трусики здесь». Когда они вошли во двор, то были поражены громадным количеством роз и разных цветов: «У нас так много роз не растет».

Он сказал: «Хотите розы? Сейчас я позову Соловья».

Оказалось, что Соловей — это фамилия садовника, который выращивал эти розы. И в конце встречи каждый получил по букету роз. А ещё Горький предложил почитать свои стихи, что-то рекомендовал, что-то советовал. Ребята просили рассказать М. Горького о своем детстве. На прощание он подписал всем свою книжку. У нас дома такая книжка хранится, папе он написал «Дяде Ване Молчанову-Сибирскому, хорошее дело делаете, дядя». Ну, действительно, хорошее дело.

«Курносые» дружили всю жизнь. Мало того, когда вернулись в Иркутск, то написали книгу «В гостях у Горького». Забегая вперед, скажу, когда праздновали 50-летие книжки, это был 1984 год, в Иркутск приехали многие «курносые» — из Москвы, Нижнего Тагила, из разных городов. Кто по каким-то обстоятельствам не смог приехать, прислали поздравительные телеграммы. Из всех «курносых» только один — Володя Персиков — погиб на фронте, куда ушел добровольцем, а все остальные, слава Богу, были живы.

И они решили написать ещё одну книжку: «База курносых продолжается», чтобы каждый рассказал о своей жизни, кем он стал, чем занимался. Помог издать эту книгу Александр Иович Гайдай, он составитель и автор предисловия. Получилась трилогия: «База курносых», «В гостях у Горького» и «База курносых продолжается».

У папы всегда были очень хорошие отношения с ребятами. Был такой случай: папа был в командировке в Москве перед началом войны. Весна 1941 г. Ему позвонила Алла Каншина и пригласила на свадьбу. Он сказал, что не сможет, потому что командировка заканчивается, но решил пригласить всех к себе в гостиницу. В Москве тогда были Аня Хороших, Соня Животовская, Галя Кожевина, пришла Алла со своим женихом Володей. И ещё на эту встречу пришёл писатель Георгий Марков, бывший тоже в Москве в командировке.

И папа устроил (как вспоминала Алла) — пир на весь мир. Он был ей как отец, потому что своего отца она лишилась рано, а дядя Ваня был всегда рядом. Иногда они звали его Ивточка, потому что он всегда расписывался «Ив» и точка.

В 1943 г. Алла Каншина вернулась в Иркутск — муж на войне, у неё на руках — маленький сынишка, в Москве трудно жить, и она приехала к маме.

Накануне Нового года папа с мамой (папа был на побывке в Иркутске) пришли к ним домой, принесли какую-то еду, нарядили вместе ёлку, Аллина мама испекла пирог с капустой, и они прекрасно отпраздновали Новый год. Такие отношения у «курносых» были всю жизнь, потому что они были близкими людьми. Даже когда папы не стало, они всегда бывали у нас дома.

Немного про военные годы. С первых дней войны папа служил на Восточном фронте, был корреспондентом. Вернулся он поздно, в 1946 г. Папа не был ранен, но перенес два инфаркта, и война, конечно, плохо сказалась на его здоровье. Едва оправившись после болезни, он снова возвращался из госпиталя в строй. Климат Монголии был губителен для его сердца. Я хочу прочесть вам стихотворение, повествующее об его походах:

<i>О чём ты думаешь, солдат, Взойдя на гребень перевала? Кругом, куда ни кинешь взгляд, Лишь только пропасти да скалы.</i>	<i>Шагаем день за днём подряд, И зной палит нас неустанно. Куда же ты глядишь, солдат, С заоблачных высот Хингана?</i>
--	--

<i>Кругом маньчжурская земля, Хребты её непроходимы... Как далеко сейчас поля И рощи Родины любимой.</i>	<i>— Мне даль таёжная видна, Волна песчаный берег лижет. Там Родина лежит. Она, Чем дальше я, тем сердцу ближе.</i>
--	---

Это стихотворение 1945 года, и ещё одно:

<i>Поднимались на такие кручи, Где никто ещё не проходил. Под ногами проплывали тучи, Друг от бездны друга отводил.</i>	<i>Кухня батальонная в тумане, Тянет провод по скале связист. Русская гармошка на Хингане, Русский на лафете гармонист.</i>
---	---

<i>Пот струится. Подниматься тяжко. И орёл пониже нас парит. Спутница солдатская — баклажка — Больше суток без воды гремит.</i>	<i>То она поёт и веселится, То грустит о чём-то в тишине... Русская гармошка за границей, На маньчжурской дальней стороне.</i>
---	--

Жара и тяжелые военные переходы подтачивали его здоровье. Но, несмотря на это, он в составе редакции всегда был рядом с бойцами. Он рассказывал, как пешком, в любую погоду, проходил несколько километров, чтобы добраться до воинской части, чтобы своевременно написать очерк и сдать его в свежий номер газеты.

Забота о семье, детях не оставляла его. Он писал письма к маме, своей родной и любимой Витеньке. У мамы полное имя Виктория, но он называл ее Витенька. Он настойчиво просил писать ему о каждом достижении его малышей, каждом новом слове, об успехах в учебе. Его интересовали и бытовые условия жизни: посадка или уборка картошки, получение продуктовых карточек. Особенно папу волновало состояние маминого здоровья, ведь рождение и воспитание детей в военное время — испытание не из лёгких. Переносить разлуку было тяжело, и в 1944 г. мама с тремя детьми получила разрешение на поездку в Чойбалсан, чтобы хоть какое-то время побыть рядом. После прощания родились строки:

<i>Минуты бешено летят. Пора и нам поторопиться. Перед разлукой невпопад, Не то, что надо говорится.</i>	<i>На ум приходят пустяки, Порой нелеп и жалок лепет, Но помогает дрожь руки, Передавая сердца трепет.</i>
--	--

Очень трогательные стихи, конечно. В семейном архиве сохранилось много писем. Это заслуга мамы, она собирала их, систематизировала, раскладывала по конвертам. Она вообще помогала ему во всем, и печатать помогала, и первым слушателем его стихов была.

Вот письмо из Читы, адресованное сыну Максиму, которому всего три года: «Макулёк, милый мой сынок, письмо твоё получил и очень обрадовался. Надеюсь, что скоро смогу исполнить своё обещание. Кораблик твой всё гостит у меня, и я часто с ним разговариваю о тебе. Ему надоело лежать в чемодане и хочется скорее играть с тобой. Он все такой же маленький, как и был. Я слышал, что Дед Мороз уже нашел в лесу ёлку, которую скоро вам принесет, а будет она такая пушистая и большая. Мама писала, что ты помогал ей, когда болела баба Аня. Так и надо, молодчинка, моя сынка. Я целую тебя, а ты поцелуй за меня маму, Светочку, Ниночку и бабу Аню. Твой папа»

В этом письме он в первый раз упоминает о кораблике. Наверное, уже в этом возрасте мой старший брат испытывал непреодолимую тягу к морю. Видимо, это объясняется тем, что наш дедушка был военным моряком. Прошли годы, и заветная мечта Максима сбылась: он стал капитаном дальнего плавания, бродил по многим морям и океанам, повидал Новую Зеландию, Америку, Германию, работал капитаном-наставником, передавал свой опыт молодым морякам и, к сожалению, в марте 2019 г. скончался. Так что из всех шестерых детей осталась я одна.

У мамы была дочь от первого брака Нина, она была врачом, 1934 года рождения. В 1939 году появилась Светлана, в 1941 — Максим. Потом был Виктор, подающий надежды математик, учился в МГУ. В 1946 г. родился Владимир, а в 1948 г. — я.

Еще одно письмо маме от 28 декабря 1944 г.: «Здравствуй, дорогая Витенька! Наконец-то я дождался письма. Особенно понравились подробности насчет маленького сыночка. Нужно сделать так, чтобы он не испытывал недостатка в молоке. Видимо, это зависит от того, как питается мать. Если это так, то ты должна сделать всё возможное, чтобы ни в чем не испытывать недостатка. Прошу превратить в молоко сапоги мои кожаные и костюм чёрный. Когда вернусь домой, могу обойтись шинелью и своим обычным обмундированием. Мне важнее всего, чтобы сын рос здоровым и не хилым. Чтобы кормление не отражалось на здоровье, и молока у тебя хватало с избытком. Письмо прочел залпом два раза и в течение дня ещё четыре. Мне очень понравилось описание купания малыша. Представляю, что зрелище было весьма знаменательным и чудесным. Когда-то я смогу любоваться вместе с вами. Расцелуй мою чудесную и ласковую Светлану. Сегодня снова много ходил, писать уже не могу, устал. Сегодня почему-то сильно промерз. Столько километров пришлось идти против сильного и острого ветра. Пришел в баню погреться, там оказалось много народа. Зашел в столовую, и вот сижу над письмом тебе, моя родная любимая Витенька. Сегодня устал настолько, что даже поругать тебя за долгое молчание нет возможности.

Как чувствуют себя ребята после болезни? О сынке маленьком пиши тоже всё: когда он начнёт улыбаться, когда начнёт узнавать вас. Хочется, очень хочется поскорее увидеть и расцеловать вас. Посылаю стихи деткам:

Малышам моим

*Елочку кудрявую украшайте, детки,
Лампочки, игрушки вешайте на ветки,*

*Наряжайте елочку, ребяташки, сами,
Помогайте бабушке, помогайте маме.
Пусть под елкой сядут Дед Мороз и мишка,
Пусть на все посмотрит маленький братишка.
Он еще ни разу не бывал на елке,
У которой острые, колкие иголки,
Он еще не видел разные игрушки,
Покажите мальчику пестрые хлопушки.
Пусть поярче вспыхнут и сияют лампочки.
Расскажите мальчику о любимом папочке.*

Ну и Светлане стихи:

*Вот война окончится, отбушуют грозы,
На глазах у доченьки высушу все слезы.
Ласковая ласточка, улыбнись, засмейся,
Песенка о доченьке, в поднебесье взвейся.*

И Максиму:

<i>Сынка, сына мой родной.</i>	<i>Только жалко, что игрушечный.</i>
<i>Пароходик твой со мной:</i>	<i>Хоть на нем нельзя уплыть,</i>
<i>Многотрубный, многопушечный,</i>	<i>Не дает он мне грустить.</i>

И самому младшему малышу:

*Говорят, что ты горластый
И обжористый при том...
Не встречались мы,
Что ж — здравствуй!
Познакомимся потом.
Ты ручонки тянешь к маме,
Смотришь долго на свечу
Скоро я тебя усами,
Мой сынок, пощекочу.
Я уж знаю, ты хороший,
Всей душой к тебе лечу
И в огромные ладоши
Сына скоро подхватчу.*

И ещё одно стихотворение, говорящее о невероятной любви папочки к своим детям:

<i>Прежде чем поставить точку (уж пора — полночный час). Сына два... Ещё бы дочку... Чтобы две и в самый раз.</i>	<i>За такие пожеланья Ты готова разнести. Обнимаю. До свиданья! Не брани меня, прости.</i>
---	--

Трижды папа.

Целую снова, спокойной ночи, мои хорошие. Сейчас уже малыши сладко поспывают, щечки покраснелись... Вот они заулыбались... Может быть, это меня во сне увидели?»

Среди старых писем обнаружили маленький такой листочек пожелтевший. И там такой документ: «Объявление. 1 августа 1949 года в 7 часов вечера в помещении Молчановского детского сада состоится совещание членов Молчановского коллектива. Явка всем обязательна. Повестка: 1) Поведение В. Молчанова и М. Молчанова. 2) Поведение всех членов коллектива. 3) Встреча папы». Думаю, что это было написано Светланой.

А это письмо написано, когда папа был в Москве: «30 января 1953 года, Москва, гостиница «Москва». Дорогой сын Максимка! Очень меня обрадовало твоё письмо своим хорошим отношением к учёбе. Так и надо, сын, горжусь твоими успехами. Старайся ещё лучше учиться. Так ты уже сейчас выполняешь свой патриотический долг. Приветы ещё никому не передавал, потому что очень много совещаний и никуда не ходил.

В Москве очень тепло: часто падает снег и сразу же тает, а к вечеру замерзает. Вечером друг за другом ходят машины, счищающие снег, а за ними идут транспортеры, которые автоматическими руками загребают снег и подают его в машины. Я тоже очень соскучился, так хочется вернуться домой и обнять вас всех. Поцелуй за меня мамочку, братиков и сестрёнок. Твой папа».

4 февраля, через четыре дня, он написал письмо Володе: «Дорогой мой сын Володя! Очень рад был с тобой говорить по телефону. Казалось, что ты, мама, все братья и сёстры находятся где-то рядом. Но посмотрел в окно, увидел очертания кремлёвских башен, и снова оказался я в Москве. Желание у меня одно, поскорее возвратиться домой. В Москве сегодня очень холодно. Ходили с Георгием Мокеевичем на спектакль «Конёк-Горбунок». Очень мне понравились Иванушка и Конек-Горбунок. Они были хорошими друзьями, поднимались в небо, опускались на дно морское. Кругом нас сидели маленькие москвичи и москвички, и я очень жалел, что вас всех нет среди них. Целую тебя, поцелуй за меня маму, Нину, Свету, Максима».

На следующий день после Володи он написал мне: «Здравствуй, моя самая малосенькая доченька Женечка. Очень хорошо было разговаривать с тобой по телефону. Ты, наверное, сидела на коленях у мамы, а, может быть, на качалке. Через 10 дней мы встретимся. Как вы там поживаете без меня? Ходишь ли ты гулять, моя малютка? За это время, наверное, совсем подросла и стала совсем большой девочкой. Я рад, что вы хорошо играете с Володией и помогаете маме. Сейчас пойду покупать в магазине новые книжки для вас. Крепко целую тебя, моя дочурка. Обними и поцелуй за меня маму, и всех мальчишек, и всех старших сестёр. А Василию Котовичу скажи, чтобы он не прыгал по столам и не мешал ребятам готовить уроки».

Мы, конечно, с радостью эти письма получали. У каждого на конверте всё подписано было: Владимиру Ивановичу, Евгении Ивановне... Это было такое удовольствие. Сейчас-то мы забыли, что такое письма. Наш век, конечно, чем-то хорош, когда и интернет, и смс, но живое письмо из конверта достать, прочитать... Мы до сих пор читаем.

Ещё одно письмо. Папа не читал морали, а всё переводил в шутку. Вот, например, письмо моим братьям: «Здравствуйте, младшие мальчишки, дорогие мои сынишки-драчунишки, Витя и Володя! Нет-нет, да и донесется до меня какое-нибудь пыхтение из комнаты или из ванной, где вы решаете свои вопросы, не поддающиеся урегулированию мирным способом. Надеюсь, что энергию, переполняющую ваши организмы, можно использовать по другому назначению. Например, драться на шахматной доске, или состязаться в том, кто больше и лучше поможет маме. Есть много других способов, более эффективных, чем молотить друг друга кулаками. Так-то, мои мальчишки-драчунишки. Целую, папа».

1 мая 2019 г. папе исполняется 115 лет. Умер он 1 апреля 1958 г., и когда передали по радио, многие люди не поверили в это. Хоронили его из здания Академии наук на улице Ленина, сейчас там расположен Иркутский областной художественный музей имени В.П. Сукачева. Пришёл весь город. Пешком с улицы Ленина, через мост, любимое предместье его принесли на Глазковское кладбище.

Он умер в 54 года, не дожив до 55 лет всего месяц.